

УДК 316.7, 330. 16
DOI: 10.31857/S2686673024060048
EDN: ZBDXRV

Нематериальный экономический культурный капитал Канады (наброски к характеристике)

В.Б. Студенцов

*Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова
Российской академии наук (ИМЭМО РАН).*

Российская Федерация, 177997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23

Researcher ID: C-9842-2019

ORCID: 0000-0002-4242-0877

e-mail: studentcov.viktor@gmail.com

Резюме. Канада как общество является продуктом если не слияния, то тесной интеграции двух культур – английской протестантской и французской католической. Закономерно, что её культурный капитал – ценности, традиции, представления, нормы – состоит из элементов или смешения культурных капиталов Англии (Великобритании) и Франции. Канада унаследовала от них государственнические настроения и коммунитаризм (по сравнению с США, где стали превалировать сильные антиэтатистские и индивидуалистические настроения). Суровые условия жизни и удалённость от метрополий выработала у канадцев «гарнизонный менталитет» и ориентацию на «выживание», спровоцировав таким образом коммунитарный образ жизни. Непосредственные наблюдатели жизни Новой Франции в XVII–XVIII веков отмечали резкий контраст между французами и англичанами: первые, подражая местной знати, старались угнаться за ней в роскоши, вторые – не уставали трудиться и стремились вкладывать заработанные средства в дело. К сегодняшнему дню различия в этике труда и потребления англоязычных (протестантов) и франкоговорящих (католиков) канадцев в значительной мере остались в прошлом, но отказ от меркантильной ориентации у некоторых слоев канадского общества частично сохранился. Канадские менеджеры не столь агрессивны и напористы как американцы, больше готовы поступиться своими частными интересами в пользу общественных. Более прочно ментально связанная с Европой Канада переняла многие социал-демократические ценности последней – довольно широкое развитие получили социальное государство (с бесплатным здравоохранением) и государственное предпринимательство (впрочем, его размеры были существенно урезаны). Соседство с таким экономическим гигантом как США имеет свои плюсы и минусы. Южного соседа подозревают в стремлении форматировать экономику Канаду под свои цели и задачи, что вызывает неприятие и сопротивление.

Ключевые слова: Канада, нематериальный экономический культурный капитал, экономическая культура, индивидуализм, коммунитаризм, государственное предпринимательство, социальное государство, американизация

Для цитирования: Студенцов В.Б. Нематериальный экономический культурный капитал Канады (наброски к характеристике). *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2024; 54(6):48–63. DOI: 10.31857/S2686673024060048 EDN: ZBDXRV

Canada's Intangible Economic Cultural Capital (Outline for Characterization)

Viktor B. Studentsov

*Primakov National Research Institute
of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS), 117997,
Moscow, Profsoyuznaya str. 23.
Researcher ID: C-9842-2019*

ORCID: 0000-0002-4242-0877 e-mail: studentcov.viktor@gmail.com

Abstract: Canadian society is the product, if not a fusion, then a close coexistence of two cultures - English, Protestant and French, Catholic. It is natural that its cultural capital – values, traditions, perceptions, norms, etc. – is composed of elements of the cultural capitals of England (Britain) and France, or a mixture of them. Thus, Canada has inherited from them statism and communitarianism, while the United States has come to be dominated by anti-statist and individualistic sentiments. The harsh living conditions and remoteness from metropolitan areas have been instrumental in producing a "garrison mentality" and a "survival" orientation among Canadians, which provoked a more communitarian lifestyle. Direct observers of life in New France in the seventeenth and eighteenth centuries noted a sharp contrast between the French and the English – the former imitating the local nobility in trying to keep up with it in luxury, while the latter sought to toil hard and to invest their earnings in business. Differences in work and consumer ethics between English-speaking (Protestants) and French-speaking (Catholics) Canadians seem mostly to be a thing of the past, however, the rejection of mercantile orientation in some segments of Canadian society still persists to the present day. Canadian managers are not as aggressive and assertive as Americans and are more ready to take into account the public interest. True to some of its historical European roots, Canada has adopted many social democratic practices – a fairly developed welfare state (with free healthcare) and large-scale state entrepreneurship (however, its size has been significantly reduced lately). Proximity to such an economic giant as the USA has both pluses and minuses. The southern neighbor is suspected of trying to format the Canadian economy to suit its own goals and objectives, which causes rejection and resistance.

Keywords: Canada, intangible economic cultural capital, economic culture, individualism, communitarianism, welfare state, public enterprise, americanisation

For citation: Studentsov, V.B. Canada's Intangible Economic Cultural Capital (Outline for Characterization). *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54(6):48–63.

DOI: 10.31857/S2686673024060048 EDN: ZBDXRV

ВВЕДЕНИЕ

Канаде суждено пребывать в тени своего более могущественного соседа – США, которые существенно превосходят её по численности населения, разнообразию и комфортности климата, богатству природных ресурсов, экономическому потенциалу. Однако и культурный капитал, в том числе тот, что непосредственно

связан с хозяйственными процессами [подробнее см. Студенцов В.Б., 2024, 3] Канады, существенно отличается от американского: Соединённые Штаты в некотором смысле – бастион индивидуализма, а Канаду зачастую характеризуют, скорее, как европейскую альтернативу США в Северной Америке.

СТРАНА ДВУХ КУЛЬТУР

Соединённые Штаты Америки складывались в результате слияния нескольких потоков иммиграции (первоначально с Британских островов, Центральной и Северной Европы), а Канада стала объектом притяжения и ареной противоборства прежде всего британских и французских поселенцев и стоящих за них метрополий, в результате и образовалась двуязычная общность. Жители Канады унаследовали не только языки своих исторических отечеств, но и некоторые черты (ценности и представления) их культуры.

История открытия и освоения Канады французами началась в 1534 г., но до первых десятилетий XVII века массово и прочно закрепиться им не удавалось. В отличие от британской колонизации Нового Света, которая была делом частных лиц (компаний), французская изначально стала осуществляться под эгидой государства. В 1627 г. следуя британскому примеру колонизации новых территорий с помощью частных компаний, кардинал Ришелье создал Компанию ста компаньонов, которой в 1633 г. в обмен на поддержание и расширение поселений в Новой Франции (включавшей Акадию, Квебек, Ньюфаундленд и Луизиану) были дарованы контроль над торговлей пушниной и права на землю. Компания брала на себя обязательство за 15 лет привлечь 4 тыс. новых поселенцев, однако к 1640 г. прибыло всего 300 человек. Несмотря на посулы несметных богатств, которые якобы можно было отвоевать у дикой природы, а также титулы, и чины, щедро раздаваемые потенциальным первопроходцам, массовой иммиграции не наблюдалось. Правительство попыталось нарастить число жителей колонии, рекрутируя преступников, которым было обещано полное прощение, как только те ступят на землю Нового Света, но и это никак не помогло решить проблему малонаселённости колоний, поскольку охотников искать счастья за океаном было немного. Иммиграция была незначительной, к тому же нормальному развитию поселений препятствовала нехватка лиц женского пола. В начале 1760-х гг., чтобы попытаться решить эту проблему, завезли 500 девушек-сирот и бесприданниц, которые получили прозвание «дочери короля». Заручившись согласием, девушек снарядили в долгий путь, где их ждали потенциальные женихи и казённое приданое. Но и последовавшее затем некоторое приращение населения не помогло надолго закрепить эти территории за французами – в 1763 г. провинция Новая Франция отошла британской короне.

Британцы же проникали в Канаду в основном с юга, где с 1720-х гг. они основали довольно успешные колонии и постепенно продвигались на север. В результате взаимопроникновения и противоборства (в значительной степени военного)

британцев и французов и стоявших за ними метрополий и сложилась Канада. Политическим и мировоззренческим водоразделом между ней и южным соседом США стала Американская революция и Война за независимость.

«Сами определяющие эти нации (США и Канаду – В.С.) организующие принципы, [то есть] центральные оси, вокруг которых формировались институты и события, были разными, – писал выдающийся исследователь американо-канадских отношений Сеймур Липсет. – Один из принципов был вигским и классически либеральным или либертарианским, то есть базировался на доктринах, выражающих недоверие к государству, эгалитаристским (понимаемом как отстаивание равенства возможностей – В.С.) и популистским (опиравшимся на массы – В.С.), подкрепленным волонтаристской и конгрегационной религиозной традицией. Другой был торийским и консервативным в британском и европейском смысле – признавал необходимость сильного государства, настаивал на уважении к власти и почтительности – и опирался на иерархически организованные религии, которые поддерживали государство и поддерживались им» [Lipset S.M., 1990a: 2].

Возникшее в XVII веке пренебрежительное именование противников (виги) и сторонников (тори) претендента на королевский престол герцога Йоркского Якова, впоследствии короля Якова II, со временем стали обозначать последователей либерализма и консерватизма.

Англоязычные переселенцы в огромном своём большинстве были протестантами, французские – католиками; причём королевские власти Франции активно противодействовали заселению Канады гугенотами (реформатами). Между тем в протестантской среде было много приверженцев не централизованной, иерархически выстроенной церковной организации (англиканской церкви), а самостоятельных церквей-общин (конгрегаций), индипендентов.

Американский политолог Луис Харц (1919–1986) говорил о том, что англоканадцы были «заядлыми индивидуалистами», проникнутыми во многом теми же «эгалитарными чувствами» и «демократическим духом», что и американцы. По мнению Л. Харца, любые различия между американским и англо-канадским либерализмом являются лишь вопросом степени: в США он был ярко выражен, в Канаде носил «сдержанный» характер. Сохранение тесных связей с метрополией обусловило то, что жители английской Канады в течение длительного времени выказывали приверженность таким убеждениям тори, как легитимность монархического правления и признание превосходства аристократии [Grabb E., Curtis J., 2010: 14].

В книге «Континентальный разлом» Липсет утверждал, что Канада «была и остаётся в большей степени классово осознающим себя, элитарным, законопослушным, государственным, коллективно-ориентированным и партикулярным обществом, чем США» [Lipset S.M., 1990a: 8]. Что касается Соединённых

Штатов, то они характеризовались им как «классически либеральное, вигское, индивидуалистическое, антигосударственное» [Lipset S.M., 1990a: 212] и популистское общество.

В отличие от оптимистической, жизнеутверждающей ориентации американских (пуританских) переселенцев, рассчитывающих на обетованной земле Нового Света обрести не только религиозную свободу, но и экономическое процветание, переселенцы в Канаду столкнулись с суровым климатом и дикой природой и были настроены скорее пессимистично. Ставшее со временем господствующим умонастроение канадцев сформулировали филолог Нортроп Фрай [Frye N., 1982] и писательница Маргарет Этвуд [Atwood M., 1972]. Их совместная позиция состояла в том, что население этой страны отличает защитная, оборонительная позиция, которую Фрай обозначил как гарнизонный менталитет, а Этвуд как выживание [Atwood M., 1972: 31–33]. Придя к такому выводу ещё в начале 1970-х гг. в своей книге, названной «Выживание», Этвуд с тех пор от него так и не отказалась [см., Atwood M., 2003: 52]. Этот феномен выражается в повсеместном использовании в канадской беллетристике «позиции жертвы» – противоборствующей герою стороной (силой) и в конечном счёте «победителем» в борьбе с ним становятся другие люди, природа (дикая местность, пустынный и враждебный ландшафт и т.д.) или другие факторы и обстоятельства. Обнаруженные Этвуд и Фраем установка на выживание и гарнизонный менталитет интерпретируются в качестве отражений страха канадцев перед суровой природой и малонаселенностью, стремления отгородиться от внешнего влияния и приверженности общинной жизни. В добавление к этому, франкофонные канадцы испытывали опасения по поводу утраты идентичности вследствие политического и экономического засилья со стороны англоязычных подданных короны [Pasquero J., 1997], это нашло своё выражение, в том числе, в референдумах об отделении Квебека.

БИЗНЕС ПО-КАНАДСКИ

В период освоения новых территорий и даже много позже столкновение протестантской и католической культур выявило большую гибкость и жизнеспособность первой.

Сейчас трудно судить, насколько обвинения в адрес католиков прошлых веков в лености, праздности и тому подобном со стороны их современников – протестантов были справедливы. Несомненно, однако, что католицизм, впрочем, и православие как религии по преимуществу сельских, аграрных масс характеризовались большим числом церковных праздников (что было связано с особым укладом жизни и календарем сельскохозяйственных работ). Протестантизм же как «городская» (буржуазная в исходном смысле) религия имел иной уклад, а потому предал забвению сельский распорядок, а его последователи стали располагать большим фондом рабочего времени.

Американский историк М. Эгнал в качестве важнейших причин, отличающих «французский мир» в Америке от «английского», выделял наличие сеньориальной системы, формально просуществовавшей до 1854 г., жёсткую сословную иерархичность, и ригидность, присущие католическому обществу. Так, крестьяне находились в подчинённом положении короне, знати и церкви. Французские наместники считали своим долгом наделять землёй прежде всего местных представителей знатных фамилий метрополии.

Царившие в метрополии иерархические порядки полностью воспроизводились в Новой Франции. Современных англичан и французов принято относить к вертикальным индивидуалистам, вероятно таковыми они были и в XVII–XVIII веках. Так вот, если одни вертикальные индивидуалисты (англичане и, может быть, даже шире – британцы) в первые столетия колонизации Нового Света пытались выделиться и утвердиться через успехи в хозяйственной деятельности, то другие (французы) – путём демонстрации роскоши. Шведский натуралист (лютеранин) П. Кальм сообщал из Квебека: «Англичане <...> не тратят время на одевание, как это делают здесь французы. В особенности дамы каждый день наряжаются и пудрятя, а каждый вечер делают завивку <...> Люди знатного происхождения привыкли носить кружевные одежды, а все королевские офицеры при шпагах». Стремление к украшениям было присуще не только знати и горожанам. «Простые деревенские жители <...> довольствуясь сухим хлебом и водой, отправляют все остальные продукты <...> в город, чтобы получить за них деньги, на которые покупают одежду и бренди для себя и наряды для своих женщин» [Egnal M., 1996: 23].

Историк-иезуит П.-Ф.-К. Шарлевуа комментировал ситуацию таким образом: «В Новой Англии и других подвластных Британской империи провинциях американского континента царит такое изобилие, что [жители] теряются в догадках, как найти ему применение; тогда как] в Новой Франции – [царит] бедность, прикрываемая видимостью достатка». Шарлевуа подчёркивал контраст между беззаботными французами, ведущими разгульный образ жизни, и трудолюбивыми и бережливыми англичанами. «Английский колонист, – объяснял он, – накапливает богатство и никогда не делает лишних расходов; французский житель [снова] пользуется тем, чем <...> не владеет. Тот трудится для потомства, а этот оставляет своё потомство, пребывающим в точно такой же нужде, в какой оказался сам в начале своей деятельности». И, наконец: «В этой стране [Канаде] не встретишь ни одного богача, и это действительно большая жалость, каждый старается придать себе как можно более благообразный вид, и никто почти не думает о накоплении богатства» [Цит. по: Egnal M., 1996: 22].

Картина складывается неприглядная, хотя нельзя исключать того, что приведённые суждения были несколько тенденциозными. Во всяком случае в середине XIX века эффективность франкоканадских и англоамериканских фермеров не отличалась сколь-нибудь существенно [Lewis F., McInnis M., 1980].

И тем не менее в конце XIX века, по свидетельству Ф. Энгельса, экономическая отсталость Канады была несомненна. «Поразителен переход из Штатов в Канаду, – писал он своему корреспонденту. – Сперва кажется, что очутился снова в Европе, потом думаешь, что находишься в явно регрессирующей и пришедшей в упадок стране. Здесь видишь, как необходим для быстрого развития новой страны лихорадочно-предприимчивый дух американцев (предполагая капиталистический способ производства как базис). За десять лет эта сонная Канада созреет для аннексии, фермеры в Манитобе и т. д. сами тогда этого потребуют. Страна и без того уже наполовину аннексирована в отношении общественного быта – гостиницы, газеты, реклама и т. д. – всё по американскому образцу. И сколько бы они не сопротивлялись и ни упирались, экономическая необходимость проникновения духа янки скажется и уничтожит эту смехотворную пограничную линию, а когда настанет время, то и Джон Буль согласится и скрепит это своим благословением» [Энгельс Ф., 1965: 74, 77].

Различия в ментальности между канадцами и американцами оказались устойчивыми, как и подобает культурному капиталу. «Американцы поклоняются успеху, канадцы же это находят немного дурным тоном <...> Обобщая, можно сказать, что типичный американец <...> необдуманно и беззаботно агрессивен, а канадец <...> ворчливо и нерешительно оборонителен», – писала Этвуд [Цит. по: Lipset S.M., 1990a: 121]. «Мы не являемся страной предпринимателей и никогда ею не были <...> В канадском истеблишменте бытует мнение, что слишком упорно добиваться своего – это несколько вульгарно», – утверждал канадский историк П.Ф. Бертон (1920–2004) [Цит. по: Lipset S.M., 1990a: 121]. Очевидно, что подобные элитистские воззрения являются скорее аристократическим пережитком, и вряд ли типичны для среднего канадца. Тем не менее он всё же, кажется, менее меркантилен, чем американец. «Современные канадцы склонны отдавать предпочтение <...> чувству общности перед индивидуализмом», – полагают авторы статьи о Канаде в энциклопедии «Британника» [2]. Об этом же писала и российская исследовательница Е.В. Израелян, выделяющая в качестве важнейших особенностей канадского менталитета коллективизм и патернализм [Израелян Е.В., 2011].

Что касается деловой культуры Канады, то она представляет собой смесь американских, британских и французских элементов, и довольно заметно различается от одного региона страны к другому, поскольку большинство канадцев идентифицируют себя прежде всего со своей провинцией. По сравнению с канадскими американские менеджеры более прямолинейны и агрессивны. Канадский финансист У. Майкл Уилсон пересказывает беседу вернувшегося из Европы управленца-соотечественника с его преемником-американцем. Канадец посоветовал последнему обратить на бытующую среди его будущих подчинённых особую культуру, на что американец ответил, мол, не о чем беспокоиться, он «приведёт их в норму» [Wilson W.M., 2003: 168]. Он и не собирался подстраиваться под местные условия и мнения подчинённых, а был намерен диктовать им свою волю.

О канадских менеджерах сложилось мнение как о менее агрессивных, менее новаторских и менее склонных к риску. Канадцы и впрямь в целом более осторожны и консервативны в экономическом поведении – это проявляется в большей склонности к накоплению сбережений, относительно больших масштабах страхования, но в меньшем использовании заёмных средств, и в особенностях потребительского поведения. Проведённое в конце 1980-х гг. сравнение канадцев и американцев показывало, что северяне больше заботятся о безопасности – делают приготовления на чёрный день, активнее прибегают к страхованию и откладывают средства в качестве сбережений [Lipset S.M., 1990a: 126], выступают за предотвращение злоупотреблений со стороны крупного бизнеса не путём его дробления и стимулирования конкуренции, а частичного или полного огосударствления [Lipset S. M., 1990b: 270].

Кстати, Банк Канады видит именно в слабости конкуренции, небольших размерах предприятий, не позволяющих в полной мере реализовать выгоды от экономики масштаба, а также недостаточных инвестициях в капитал и рабочую силу причины низкой производительности труда. По её уровню Канада отстаёт уже от многих стран. В 1984 г. выработка (ВВП в человеко-час) в ней составляла 88% американской, а в 2022 г. только 71–72%, что выводило её на 18-е место в мире (на первом была Ирландия) [3]. К марту 2024 г. в деловом секторе она не росла целых семь лет [5].

Ведение бизнеса в Квебеке имеет свою специфику. Бытует суждение, что деловая этика в Квебеке рассматривается прежде всего в терминах коллективной социальной ответственности. «В Квебеке деловая этика тесно связана с одной центральной проблемой – сохранением "национальной идентичности", – отмечал Паскуэрро. – Поэтому понимание обязанностей бизнесменов и фирм, необходимо рассматривать в социальном контексте» [Pasquero J., 1997: 621].

По данным нидерландского социолога Герта Хофстеде, ценностная ориентация квебекцев заметно отличается от остальной Канады. Соответствующие балльные оценки в среднем по Канаде и отдельно по Квебеку таковы: индивидуализм – 80 и 73, мужественность или маскулинность (нацеленность на результат) – 52 и 45, дистанцированность от власти – 39 и 54 и избегание неопределённости – 48 и 60. Таким образом, квебекцы менее индивидуалистичны, менее жёстки в достижении цели, больше ориентированы на власть, но и более осторожны.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ НОВОГО СВЕТА?

Канаду нередко уподобляли европейским социал-демократиям. Так, Винсент Ди Норсия писал: «Есть свидетельства того, что многие канадцы до сих пор относятся с подозрением к неограниченному *laissez faire* XIX века. Здесь, как и в ЕС, и на Дальнем Востоке, сотрудничество бизнеса и государства в смешанной экономике сдерживает индивидуалистический, свободный, либерализм. Не умерли и

социал-демократические ценности» [Di Norcia V., 1997: 587]. Проявление последних он находил в наличии системы частично бесплатного (страхового) здравоохранения и значительного государственного предпринимательского сектора. Но, если в Европе социал-демократия имела под собой идеологическую основу, то в Канаде она, судя по всему, была сугубо прагматичной. Историк экономики Канады Х. Эйткен полагал, что в свете перспективы поглощения более крупной и мощной экономикой США «государство было вынуждено взять на себя ответственность за создание и сохранение национальной экономики» [Aitken H.G., 1964: 7].

Именно так, постепенно и под давлением обстоятельств происходило расширение государственного предпринимательского сектора Канады. В начале 1980-х гг. он осуществлял примерно одну пятую всех вложений в основной капитал страны (для сравнения: примерно в те же годы соответствующая доля в США составляла чуть более 4%). Коронные корпорации действовали в промышленности и финансах (нефте- и газодобыче, других добывающих отраслях и металлургии, железнодорожном транспорте, в обрабатывающей промышленности, строительстве, коммунальных услугах и даже сбыте). Не принимая в расчёт финансовые организации, в начале 1970-х гг. на коронные корпорации приходилось около трети контролируемых национальным капиталом корпоративных активов страны [Hardin H., 1974: 88].

Хершель Хардин, который, впрочем, не является экономистом, полагал, что в области развития технологии и промышленности частное предпринимательство в Канаде «провалилось» [Hardin H., 1974: 102-105], и в восторженных тонах описывал дух канадского государственного предпринимательства. «...в Канаде, – писал он, – существовала культура государственного предпринимательства, эквивалентная по роли и более мощная по исторической силе, чем культура частного предпринимательства пуританского, приобретательского, индивидуализма...» [Hardin H., 1974: 129].

На фоне задавливаемых американским капиталом частных канадских компаний предприятия, находившиеся в государственной собственности, по параметрам долгосрочного развития, производительности, технологического уровня и реинвестирования выглядели предпочтительно. Однако проведённая в 1980-е и 1990-е гг. приватизация коронных корпораций прервала «великую традицию государственного предпринимательства в Канаде» [Hardin H., 1989: 4].

Канадцы гордятся действующей с 1984 г. системой всеобщей страховой медицины (Медикэр), поддерживаемой, впрочем, не федеральным центром, а провинциями (в силу чего перечень предоставляемых бесплатно медицинских услуг и размер обязательных взносов, варьируется от провинции к провинции). Последние были изначально наделены полномочиями в области образования, здравоохранения и социального обеспечения. Федеральное правительство и софинансирует эти сферы, но уровень финансовой автономии провинций высок – доля

приходящихся на него расходов государства составляет только около 40%, значительно меньше, чем в других федерациях.

«Всеобщее медицинское страхование превратилось в один из символов канадской идентичности. <...> Поскольку канадская культурная идентичность представляется одновременно хрупкой и фрагментарной, здравоохранение и, в более общем смысле, государство всеобщего благосостояния были сконструированы как символы национального единства» [Béland D., Lecours A., 2005: 196. 198]. Однако система бесплатного здравоохранения страны эрозирует: если в 2021 г. ей были удовлетворены две трети опрошенных, то в 2023 г. – уже только 48% [Justin Trudeau..., 2023: 35].

Национальная система социальной помощи также полна изъянов. Бывший министр национального здравоохранения и благосостояния в кабинетах Пьера Эллиота Трюдо (1977–1984) Моник Бежен (1936–2023) призналась, что многократно невольно вводила различные аудитории в заблуждение, заявляя, что «Канада является Швецией Америк» [Bégin M., 2017]. Только уйдя в отставку, она выяснила, что в долях ВВП её страна тратила на социальные нужды вполтину меньше Швеции и только чуть больше США. Но перемены к лучшему происходят – благодаря введению в 2016 г. пособия на детей – уровень детской бедности снизился наполовину. В целом же в 2015 – 2020 гг. общий уровень бедности населения упал на 45% (правда, неясно как на него повлияла эпидемия ковида). Наконец, в феврале 2024 г. правительство внесло законопроект «О фармэк» – введении программы всеобщего обеспечения бесплатными лекарствами (на первых порах ей должны быть охвачены только контрацептивы и антидиабетические средства).

Наряду с «деловым (*entrepreneurial*) гением государственного предпринимательства» Хардин обнаруживал в Канаде и «зарождающийся гений перераспределения» [Hardin H., 1974: 360]. По его мнению, «фундаментальным укладом канадской жизни был неамериканский механизм перераспределения в противовес мистическому американскому механизму господству рынка (свободного предпринимательства)» [Hardin H., 1974: 300]. Он показывал, что в Канаде происходил масштабный передел общественного продукта между провинциями, компаниями и гражданами, который был результатом широкого социального консенсуса. В Канаде существует система выравнивающих платежей федерального правительства провинциям для повсеместного поддержания примерно равного качества государственных услуг. Большую часть этих платежей, которые в 2023–2024 фин. г. составят почти 24 млрд канад. долл., получит Квебек (свыше 14 млрд). Интересно, что уровни бедности и неравенства располагаемого дохода в Квебеке значительно ниже, чем в остальной Канаде, и сравнимы с соответствующими показателями наиболее «щедрых» государств всеобщего благосостояния Европы.

После заключения в конце 1980-х гг. Соглашения о свободе торговли с США и в особенности в начале 1990-х гг. аналогичного (североамериканского) соглаше-

ния не только с США, но и Мексикой стала происходить американизация социального государства Канады, проще говоря, его урезание. Был избран неоконсервативный экономический курс, продиктованный убеждением, что для выживания в глобальном мире государству следует уменьшить своё присутствие в экономике: распродать принадлежащие ему производственные активы, сократить социальные расходы, снизить бремя регулирования бизнеса. Таким образом надежды тех, кто уповал на то, что развитие государственного сектора послужит укреплению экономики Канады, не оправдались.

ПОД СЕНЬЮ МОЩНОГО СОСЕДА ПАРТНЁРА-СОПЕРНИКА

Географическая близость нависающей над Канадой мощнейшей экономики США оказывает существенное влияние на происходящие в ней процессы. Оно противоречиво: с одной стороны стимулирует их, а с другой – угнетает, потому-то южный сосед является объектом как зависти, так и опасений. Правда, в середине 50-х годов прошлого века, канадский дипломат Х. Кинлисайд (1898–1992) заявлял о полном исчезновении у своих соотечественников комплекса неполноценности в отношении США. «Канадцы уже не видят психологической необходимости компенсировать свою зависть к американским успехам и ревность к американским достижениям язвительной критикой американской морали, нравов и правительства» [Keenleyside H.L., 1955: 5]. Но похоже, он выдавал желаемое за действительное. Президент крупнейшей в Канаде компании по изучению общественного мнения М. Марцоллини, спустя полвека констатировал, что в Канаде существует культуры зависти, а в США, по его мнению, расцвела культура алчности [Цит. по: Bégin M., 2003: 173].

Насколько симбиоз экономики США и Канады выгоден последней представляет собой предмет дискуссий. У тесного их сближения были и есть союзники и противники в интеллектуальных кругах. К числу последних относится дочь Карла Поланьи Кари Поланьи Левитт (1923), М. Уоткинс (1932–2020) и многие другие. В начале 1970-х гг. Левитт опубликовала книгу [Levitt K., 1970], резко критиковавшую экспансию американского капитала в Канаду (в 2002 г. переиздана под несколько измененным названием). Левитт заявляла, что «в Канаде экономические ресурсы распределяются в основном для удовлетворения потребностей крупных частных корпораций, большинство из которых находятся под американским контролем». По её утверждению, Канада в лучшем случае превратилась в «экономику филиальных заводов» американских корпораций, которые развивали только те отрасли и производства, которые интересны их «материнским» компаниям, а в худшем – в поставщика первичного сырья.

Ряд видных канадских экономистов давно критически оценивали ресурсно-сырьевую направленность национального хозяйства. Гарольд Иннис (1894–1952), которого зовут «отцом канадской экономической истории», доказывал, что упор на производство (добычу) и экспорт природных и первичных ресурсов (мехов,

рыбы, пшеницы, леса и т.п.) сначала в Британию и Вест-Индию, а впоследствии в первую очередь в США, сопровождался недоинвестированием и деградацией обрабатывающей промышленности. Шедший по его стопам Мел Уоткинс сформулировал концепцию «ресурсной ловушки», гласящую, что полная или преимущественная ориентация экономики на экспорт первичных ресурсов в конечном счёте порождает зависимость от зарубежных покупателей и «угнетение» собственной промышленности в силу чрезмерного отвлечения ресурсов на их производство [Watkins M.H., 1963].

Виднейший представитель этого направления Левитт характеризовала Канаду как «богатейшую слаборазвитую (*underdeveloped*)» или же как «богатую индустриальную слаборазвитую страну» [Levitt K., 1970: 25, 127]. Она высказывала опасение, что в силу более высокого уровня организации производства, обширного внутреннего рынка, и возникающей вследствие этого мощи, действующие на территории Канады американские корпорации станут переносчиком «набора чуждых ценностей». С точки зрения Левитт, тесное экономическое взаимодействие с США оборачивается не только замещением местного производства и подрывом национального предпринимательства, но и эрозией национальных идеалов и ценностей. Кстати, под конец жизни премьер-министр провинции Альберта Питер Лугид (1928–2012) выступил с речью, в которой выразил сожаление по поводу «упадка коллективизма» в Канаде. «Мы становимся всё более американизированными, – заявил он, – и это навязывает нашей этике не канадский индивидуализм» [4].

Поскольку США является естественным полюсом притяжения англоязычных канадцев, условием сохранения единства страны Левитт считает выработку среди них новой (очевидно неамериканской) системы ценностей, а также признание и уважение к личности франкоязычной части населения. В её понимании, независимость от транснациональных корпораций позволит канадцам «оставаться отчётливо канадцами и пользоваться преимуществами небольшого размера и более высокого чувства общности и участия в принятии решений». Она утверждает, что «рациональной экономической политикой вполне может быть та, которая отказывается от сомнительных материальных преимуществ дальнейшей "американизации"».

Есть и противоположный лагерь – те, кто обосновывает желательность и даже необходимость полной интеграции Канады и США. Известный канадский публицист Д. Фрэнсис [Francis D., 2013] считала, что Канада и США ментально и экономически столь близки, что логичным было их слияние в одно мегагосударство. Однако некоторые исследователи факт конвергенции американских и канадских ценностей ставят под сомнение, что выбивает почву под идеей «срачивания» США и Канады. Такова, в частности, позиция М. Адамса, автора книги «Лёд и пламень» [Adams M., 2003]. Адамс утверждает, что США и Канада движутся в разных направлениях – первые отходят от своих традиций свободы, открытости, уважения к личности и инновационности, а вторая – от традиций консервативного

признания авторитетов и традиций. Рецензент книги Адамса Дж. Смит из Университета Дьюка был в целом согласен с выводами его книги. «Самое печальное во всём этом то, что позиция Адамса вполне правдоподобна; в последнее время, американцы и канадцы, вероятно, дрейфуют в разных направлениях: первые – в сторону отшельничества, отчуждённости, одиночества, эгоцентризма, заикленности на безопасности, а вторые – в сторону открытости и заботы о коллективе, и этот увеличивающийся разрыв обескураживает» [Smith J., 2005: 160].

Два десятилетия тому назад канадцы разделяли с американцами убеждение, что люди сами хозяева своей судьбы, это существенно их отличало от европейцев. И те и другие считали, что государство должно оказывать помощь бедным. Однако 58% жителей США полагало, что свобода достижения человеком своих целей важнее, чем гарантия того, чтобы никто не нуждался, в Канаде так считали 43%. То есть американцы были более «свободолюбивы», а канадцы – более «сердобольны» [1]. Доказательств того, что с тех пор ситуация кардинально изменилась, нет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на географическую близость США, общее культурное наследие, тесные экономические связи и частичную общность языка культурный капитал (в том числе экономический) Канады по-прежнему обладает значительным своеобразием. Как замечала, бывшая директор Канадского совета по делам искусств Ширли Томсон [Thomson S.J., 2003: 219], канадская ментальность традиционно отражает большее уважение к авторитетам и интересам сообщества, чем американская. Последняя более индивидуалистична и склонна рассматривать социальные отношения в договорном ключе. Северная страна была и всё ещё остаётся более сословным, элитарным, законопослушным, коллективно-ориентированным, коммунитарным и мультикультурным обществом. На его фоне Соединённые Штаты предстают примером классического индивидуалистическо-либерального общества.

ИСТОЧНИКИ

1. Americans and Canadians. Pew Research Report. January 14, 2004. Available at: <https://www.pewresearch.org/global/2004/01/14/americans-and-canadians/> (accessed 29.03.2024).
2. Bercuson D.J., Hall R.D., Krueger R.R. (n.d.) Canada // Encyclopedia Britannica. Available at: <https://www.britannica.com/place/Canada> (accessed 29.03.2024).
3. Cross B. (2023) Canada's Lagging Behind Productivity Will Take Years to Remedy. June 12. 2023. Available at: <https://www.queensu.ca/gazette/stories/canada-s-lagging-productivity-affects-us-all-and-will-take-years-remedy> (accessed 29.03.2024).
4. Finn E. (2017). Victory of Individualism over Collectivism a Disastrous Defeat for Society as a Whole. *Rabble.ca*. 4 August. Available at: <https://rabble.ca/economy/victory-individualism-over-collectivism-disastrous-defeat-society-whole/> (accessed 29.03.2024).

5. Rogers C. (2024). Time to Break the Glass: Fixing Canada's Productivity Problem. Available at: <https://www.bankofcanada.ca/2024/03/time-to-break-the-glass-fixing-canadas-productivity-problem/> (accessed 29.03.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Израелян Е.В. (2011). Ценностные ориентиры внешней политики Канады. *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 6 (498). С. 1-34. Available at: <https://usacanada.jes.su/s268667300000619-0-1-ru-71/>

Студенцов В.Б. (2024) Нематериальный экономический культурный капитал США (наброски к характеристике). *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 3. С. 62-77. DOI: 10.31857/S2686673024030057 EDN: UUBCTV

Энгельс Ф. (1965). Письмо к Ф.А. Зорге. 10 сентября 1888 г. *Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения*. Изд. второе, Москва, Издательство политической литературы. Т. 37, с. 74-77.

REFERENCES

Adams, M. (2003). Fire and Ice: The United States, Canada and the Myth of Convergence Values. Toronto. Penguin Canada. –256 p.

Aitken, H.G. Government and Business in Canada: An Interpretation. *Business History Review*, 1964. Vol. 38. No. 1: 4-21. Available at: <https://doi.org/10.2307/3112485>

Atwood, M. Survival: A Thematic Guide to Canadian Literature. Toronto. Anansi. 1972. – 287 p.

Atwood, M. Survival Then and Now. In: Gaffield C., Gould K.L. (eds.) The Canadian Distinctiveness into XXIst Century. Ottawa (ON). Ottawa University Press. 2003: 47-55.

Bégin, M. "I Am Canadian!". From Beer Commercials to Medicare: In Search of Identity. In: Gaffield C., Gould K.L. (eds.) The Canadian Distinctiveness into XXIst Century. Ottawa (ON). Ottawa University Press. 2003: 173-181.

Bégin, M. My Most Regretted Statement: Canada as a Welfare State. *Econ Journal Watch*. 2017. Vol. 14. No. 2: 276-280.

Béland, D., Lecours, A. Nationalism and Social Policy in Canada and Québec. In: The Territorial Politics of Welfare. (eds.) McEwen, N., Moreno, L. London-New York. Routledge. 2005: 189-206.

Di Norcia, V. Business Ethics in Canada: Distinctiveness and Directions. *Journal of Business Ethics*. 1997. Vol. 16. No. 6: 583-590. Available at: <https://www.jstor.org/stable/25072926>

Egnal, M. Divergent Paths: How Culture and Institutions Have Shaped North American Growth. New York. Oxford University Press. 1996. – 300 p.

Engels, F. Pis'mo k F.A. Zorge. 10 sentiabria 1888 g. [Letter to F.A. Zorge. September 10. 1888]. *Marx K. and Engels F. Collected Works. Second edit.* Moscow. Izdat-vo politicheskoi literatury. 1965. Vol. 37. P. 74-77. (In Russ.).

Francis, D. *Merger of a Century: Why Canada and America Should Become one Country*. Harper & Collins. New York. 2013. – 403 p.

Frye, N. *Divisions on a Ground: Essays on Canadian Culture*. Toronto. Anansi. 1982. – 199 p.

Grabb, E., Curtis, J. *Regions Apart: The Four Societies of Canada and the United States*. With a new forew. by E. Grabb. Oxford: Oxford University Press. 2010. – 319 p.

Hardin, H. *A Nation Unaware: The Canadian Economic Culture*. Vancouver. J.J. Douglas. 1974. – 378 p.

Hardin, H. *The Privatization Putsch*. Halifax. The Institute for Research on Public Policy. 1989. – 215 p.

Issraelian, E.V. Tsennostnye orientiry vneshnei politiki Kanady [Value Orientations of Canada's Foreign Policy]. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2011, No. 6 (498). P. 21-34. (In Russ.). Available at: <https://usacanada.jes.su/s268667300000619-0-1-ru-71/>

Justin Trudeau's Woes. *The Economist*. 2023. 30 September. Vol. 448, No. 9365: 34-35.

Keenleyside, H.L. Canada and the United States. *Current History*. 1955. Vol. 29. No. 167: 1-6. Available at: <https://www.jstor.org/stable/45309023>

Lewis, F., McInnis, M. The Efficiency of the French-Canadian Farmer in the Nineteenth Century. *Journal of Economic History*. 1980. Vol. 40. No. 3: 497-514.

Levitt, K. *Silent Surrender: The American Empire in Canada*. New York. Liveright. 1971. – 185 p.

Lipset, S.M. *Continental Divide: The Values and Institutions of the United States and Canada*. New York-London. Routledge. 1990a. – 337 p.

Lipset, S.M. The Values of Canadians and Americans: A Reply. *Social Forces*. 1990b. Vol. 69, No. 1: 267-272. DOI: 10.2307/2579618.

Pasquero, J. Business Ethics and National Identity in Quebec: Distinctiveness and Directions. *Journal of Business Ethics*, 1997. Vol. 16. No. 6, Pp. 621-633. Available at: <https://www.jstor.org/stable/25072930>

Smith, J. Review of M. Adams *Fire and Ice: The United States, Canada and the Myth of Converging Values*. *American Review of Canadian Studies*. 2005. Vol. 35, No.1. pp. 157-160.

Studentsov, V.B. Nematerial'nyi ekonomicheskii kul'turnyi kapital SShA (nabroski k kharakteristike) [US Intangible Economic Cultural Capital (Outline for Characterization)]. *USA & Canada: Economy – Politics – Culture*. 2024. No. 3. P. 62-77 (In Russ.). DOI: 10.31857/S2686673024030057 EDN: UUBCTV

Thomson, S.L. Canadian Distinctiveness and Cultural Policy as We Enter the Twenty-first Century. In: Gaffield C., Gould K.L. (eds.) *The Canadian Distinctiveness into XXIst Century*. Ottawa (ON). Ottawa University Press. 2003: 215-223.

Wilson, W.M. Canadian Business: "No, I'm from Canada". Gaffield, C., Gould, K.L. (eds.) *The Canadian Distinctiveness into XXI Century*. Ottawa (ON). Ottawa University Press. 2003: 167-172.

Watkins, M.H. A Staple Theory of Economic Growth. *The Canadian Journal of Economics and Political Science*. 1963. Vol. 29. No. 2: 141-158. Available at: <https://www.jstor.org/stable/139461>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СТУДЕНЦОВ Виктор Борисович, Viktor B. STUDENTSOV, Candidate of Sciences (Economics), Senior Research Fellow, Department of Economic Theory, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS). 117997, Moscow, Profsoyuznaya str.

Российская Федерация, 177997, 23.
Москва, Профсоюзная ул., д. 23.

Статья поступила в редакцию 29.03.2024 / Received 29. 03.2024.

Поступила после рецензирования 13.04.2024 / Revised 13.04.2024.

Статья принята к публикации 15.04.2024 / Accepted 15.04.2024.